

«ИНТЕЛЛИГЕНТОФОБИЯ» В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

«Интеллигенция» нередко упоминается в исторических трудах, посвященных дореволюционной России. Одни рисуют идеализированный и романтический портрет «специфически русской, высоконравственной, бескорыстной и жертвенной интеллигенции», другие же довольствуются злой карикатурой на «класс сумасшедших полуевропейцев»¹. Противоположность оценок обусловлена не только пристрастиями авторов, но и различными толкованиями понятия «интеллигенция».

Сам термин еще в 80-е годы XIX в. именовался русскими писателями как «нескладное» и «неуклюжее» слово — именно так охарактеризовал его Н.К.Михайловский, воспринимавшийся позднее как «учитель и вождь» интеллигенции². Герой романа П.Д.Боборыкина «Перевал», действие которого происходит в 80-е годы, говорит о «варварском слове»³, (можно предположить, что автор, гордившийся репутацией «фотографа» новых явлений, не случайно упомянул об этом).

Однако вскоре модное слово быстро получило необычайно широкое распространение. С помощью понятия описывались самые различные культурные, политические и социальные процессы, протекавшие в пореформенной России. Слово «интеллигенция» заполняло известный понятийный вакуум, время требовало новых названий для характеристики новых явлений. Популярности термина способствовала его многозначность — под интеллигенцией современники понимали и лиц, выделяющихся образованием⁴, и «лиц интеллигентных профессий» — студентов, учителей, писателей, политических деятелей⁵. Но нередко термин употреблялся для людей, живущих «интеллигентно», ведущих определенный образ жизни⁶.

Столь различные значения понятия приводили к тому, что «интеллигентами» могли именовать и «интеллигентных» предпринимателей, земских начальников⁷.

Однако понятие «интеллигенция» употреблялось часто для характеристики «отчужденных» интеллектуалов, находившихся в оппозиции режиму⁸.

Показательна позиция журнала «Свобода», выходившего в Женеве, он имел специальный подзаголовок: «Политический орган русской интеллигенции» (можно поэтому предположить, что авторы дорожили репутацией «интеллигентов»). Авторы не отождествляли себя с «нигилистами», но утверждали, что для интеллигенции злейшими и опаснейшим врагом является царское правительство⁹. В трактовке Боборыкина, считавшегося «крестным отцом»

термина¹⁰, интеллигенция противостоит «ретроградному лагерю», она выдвигает требование гражданской свободы. Интеллигенции присуща религиозная терпимость, ее отличает «защита свободы совести в религиозной жизни и протесты против векового гнета, который исходил от государственно-полицейского церковного быта»¹¹. Субкультура интеллигенции в описании Боборыкина идеологизирована. Многие видные российские интеллектуалы начала XX века именовали русскую интеллигенцию «революционным орденом», «генеральным штабом революции», «синонимом революционного самопожертвования»¹². Соответственно, «интеллигентство» воспринималась подчас как «партийность», «кружковщина», «фракционность»¹³. Требования «политической корректности» формулировались многими «интеллигентами» подчас весьма жестко, неудивительно, что интеллигенцию часто сравнивали со средневековым монашеским орденом¹⁴.

Различные интеллигентские идентификации складывались в условиях антиинтеллигентских кампаний. Многие выступления против интеллектуалов и образования, просвещения и эмансипации объективно имели антиинтеллигентский характер. Ниже мы охарактеризуем некоторые из них, при этом нас интересуют те значения, которые придавались термину «интеллигенция».

Интеллектуалы-консерваторы с презрением относились к термину «интеллигент» и никогда не применяли его для самохарактеристики¹⁵. С.Е.Трубецкой, сын известного философа, вспоминал: «...быть «культурным человеком» было хорошо, но слово «интеллигент» было столь же мало похвально, как и «чиновник»... Все это вошло в подсознание еще раньше, чем в сознание»¹⁶.

Термин постоянно использовался охранительной публицистикой. Уже в 1878 г. М.Н.Катков писал: «Наша интеллигенция выбивается из сил, желая показать себя как можно менее русской, полагая, что в этом-то и состоит европеизм. Но европейская интеллигенция так не мыслит. ... Наше варварство в нашей иностранной интеллигенции. Истинное варварство ходит у нас не в сером армяке, а больше во фраке и даже в белых перчатках». Антинациональной, оторванной от устоев и традиций русской жизни интеллигенции противопоставлялись духовность и вера «народа», единого со своим царем¹⁷.

В конце 70-х годов и некоторые корреспонденты К.П.Победоносцева используют для характеристики оппонентов режима не только привычное и более распространенное слово «нигилист», но и критикуют подчас «башибузучную» интеллигенцию¹⁸. Сам Победоносцев также критически отзывался о «либеральной интеллигенции», с презрением писал о «жидких слоях интеллигенции», пренебрежительно отзывался о ее «невежестве» и конформизме, «стадном обычае»¹⁹. Ему приписывали следующее высказывание: «Интеллигенция — часть русского общества, восторженно воспринимающая всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный к дискредитации государственной власти; ко всему же остальному в жизни страны она равнодушна»²⁰.

Показательна позиция А.Д.Пазухина, который обличал «жалкие увлечения» «беспочвенной», «отчужденной от народа», «относящейся враждебно к историческому государственному строю» интеллигенции, питающейся лишь «книжными доктринами»²¹. В.П.Мещерский считал «интеллигенцию» основным ненавистником дворянства. Его журнал обличал антидворянский «союз

русского интеллигента, еврея и поляка»²². М.О.Меньшиков, критиковал «интеллигенцию», противопоставляя ее «органическому» и «религиозному» народу (хотя подчас он использовал термин и как нейтральный, подразумевая людей, живущих «интеллигентно» — чиновников, офицеров)²³.

Антиинтеллигентские настроения стали важным элементом сознания правительственных кругов, занимая важное место в коллективном портрете врагов режима. Неудивительно, что молодой человек, избравший карьеру полицейского офицера, считал своим долгом «нешадно избивать ... интеллигенцию»²⁴. В крайней форме интеллигентофобия проявилась в черносотенной публицистике: «... у нас в России на самом видном месте выросла такая огромная куча навозу под названием «интеллигенция», и на этой куче пышно распустился цветок революции...»²⁵ Соответствующая проповедь интеллигентофобии идеологически готовила почву для антиинтеллигентских погромов эпохи Первой российской революции, при этом некоторые правительственные документы (манифест 18 февраля 1905 г., например) могли восприниматься как сигнал к расправе с «интеллигенцией»²⁶.

Однако некоторые представители охранительного направления также иногда использовали термин для самоидентификации. Б.В.Никольский, юрист правых воззрений, заявил императору в апреле 1905 года: «... ведь и я имею несчастье принадлежать к этому незавидному сословию... Да, несимпатичное слово. Никогда не пишу его без кавычек. Только тем как дворянин и утешаюсь»²⁷.

Создавались и новые идентификации. В 1884 г. Катков возлагал надежды на появление «новой» интеллигенции²⁸. К.П.Победоносцев, похоже, подчас примерял на себя идентификацию «государственной интеллигенции» и «аристократии интеллигенции»²⁹. Союз русских людей в 1906 г. призывал к образованию «истинно русской интеллигенции», т. е. «людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца богатыря-подвижника»³⁰.

Интеллигенцию атаковали и представители иного политического спектра, при этом аргументация «ретроградного лагеря» подчас повторялась. Так, некоторые народники-«почвенники» утверждали: интеллигенция должна не учить народ, а сама учиться у него. Здоровым чувствам и коллективизму «народа» при этом противопоставлялись рассудочность и индивидуализм «интеллигенции». Особенно показательна позиция И.И.Каблиц-Юзова. «Эгоистическое большинство» интеллигенции, проникнутой духом «буржуазности» и «интеллигентского бюрократизма», Каблиц противопоставлял «лучшей части интеллигенции» — «альтруистическому меньшинству» (под которым понимались единомышленники автора). Он обвинял «интеллигенцию» в стремлении осуществлять политическое господство над «народом». «Лучшая часть интеллигенции», по мнению Каблиц, должна помочь крестьянину «избавиться от вредного влияния самой интеллигенции — это первое и самое важное ее дело»³¹.

Высказывается предположение, что взгляды «почвенников» повлияли в этом отношении на русских марксистов³². Однако сама идеология и политическая практика марксизма при всей ориентации учения на выработку и рас-

пространение «научного мировоззрения» (что было очень созвучно этике русской интеллигенции), были запрограммированы на появление антиинтеллигентских настроений. Культ «рабочего класса» неизбежно вел к тому, что именно с ним отождествляли себя марксисты-интеллектуалы. Они укрепляли свой статус критикой иных социальных групп. Соответственно, русские марксисты резко отмежевываются от «интеллигенции», «интеллигентских иллюзий» и выступают на всевозможных собраниях с настоящей «проповедью интеллигентствования»³³ (это не мешало социал-демократам эксплуатировать кодекс поведения интеллигенции и ее представления о «политической корректности»). У грузинских социал-демократов антиинтеллигентские настроения проявлялись в противопоставлении «интеллигентской» русской социал-демократии — «рабочей» грузинской³⁴.

Некоторых марксистов подобная тенденция пугала. Г.В.Плеханов писал П.Б.Аксельроду: «... я и сам боюсь, не слишком ли рано теперь уже вызывать в рабочих наших огульный антагонизм к интеллигенции вообще»³⁵. Но интеллигентофобия стала устойчивой традицией, присущей всем направлениям российской социал-демократии. Отрицательные явления в жизни партии «объяснялись» влиянием интеллигенции³⁶. Странники всевозможных фракций и групп отождествляли себя с «пролетариатом», а действия оппонентов и все негативные явления внутрипартийной жизни описывали как пагубное влияние интеллигенции внутри партии рабочего класса. Постоянно указывалось на опасность проникновения в социал-демократию «интеллигентских тенденций», меньшевики в этом отношении не отличались от большевиков³⁷.

По-видимому, на отношение русских социалистов к интеллигенции повлияла и дискуссия об «академиках» в германской социал-демократической партии: партия, ориентирующаяся на промышленных рабочих, не без споров формулировала свое отношение к тем своим членам, которые обладали дипломами университетов³⁸.

Очевидно, на формирование позиции социал-демократов повлияли и антиинтеллигентские настроения немалой части «сознательных», политизированных рабочих³⁹. Они именовали себя нередко «рабочей интеллигенцией». Подобная идентификация предлагалась марксистами, при этом использовались некоторые идентификации «интеллигенции». Так, уже в 1889 г. была опубликована брошюра П.Б.Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим». Под «рабочей интеллигенцией» автор понимал «развитых», «передовых» рабочих, «интеллигентных представителей рабочего класса», которые противопоставлялись и «интеллигенции высших классов», и «многомиллионной массе» «трудящихся классов»⁴⁰. Подобная идентификация получила широкое распространение среди «сознательных» рабочих, противопоставлявших себя «темным» и «серым» «массам». При этом они копировали образ жизни, манеры, моду «интеллигентов»⁴¹. Вместе с тем «рабочие интеллигенты» часто были носителями антиинтеллигентского сознания. Некоторые из них стали со временем формулировать соответствующую идеологию. Так, показательно выступление Ф.А.Булкина, считавшегося в кругах меньшевиков «ликвидаторов» «одним из видных представителей пролетарской интеллигенции». Он указывал на «интеллигентскую опасность» в рядах РСДРП, история партии рассматривается им как постоянный конфликт рабочих и интеллигентов, из которого последние неизменно выходят победи-

телями. Интеллигенты виновны во всех «болезнях» партии, антибольшевизм и легализм также окрашиваются у Булкина в антиинтеллигентские тона⁴². На формирование подобных взглядов немалое воздействие мог оказать П.Б. Аксельрод, который трактовал конфликт в партии как выражение борьбы радикального крыла демократической (якобинской) интеллигенции (т. е. большевиков) против классовой самостоятельности пролетариата⁴³.

Характеристика антиинтеллигентских настроений в рабочей среде будет неполной без упоминания работ Я.В. Махайского (А. Вольского), получивших известное распространение с 1898 г. Он описывал интеллигенцию как «нового врага» пролетариата, как эксплуататорский класс буржуазного общества, который всеми средствами старается удержать свою монополию на знание⁴⁴.

Другие авторы, использовавшие иной язык, также описывали интеллигентов как привилегированный класс: «... наживают миллионы, эксплуатируя чужое несчастье». Интеллигенцию якобы отличает лживость, стяжательство и эгоизм⁴⁵.

На рубеже веков угроза ценностям интеллигенции исходила от многих течений. Боборыкин, например, адресует соответствующие обвинения и народникам, и Л.Н. Толстому, и распространителям идей «нищезанятия», «нищезанского босачества», «декадентского эстетизма»⁴⁶. Одних он обвиняет в антизападничестве, других — в антиинтеллектуализме и аморализме. В некоторых случаях опасения Боборыкина подтверждались антиинтеллигентскими высказываниями соответствующих авторов. Так, Л.Н. Толстой писал в связи с полемикой о «Вехах»: «Развратить народ? Да, это она может, могут те люди, которые называют себя интеллигенцией. Это они и делали, и делают, к счастью, благодаря духовной силе русского народа, не так успешно, как они желали бы этого, но просветить они уже никак не могут». Он призывал интеллигенцию не просвещать, а учиться у народа⁴⁷.

Антиинтеллигентские высказывания можно встретить и у интеллектуалов, пользовавшихся безупречной «интеллигентской» репутацией. Так, А.П. Чехов, который ныне воспринимается как символ русского интеллигента рубежа веков, писал И.И. Орлову 22 февраля 1899 г.: «В нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр»⁴⁸. Следует, однако, отметить, что подобная точка зрения высказывалась в частном письме, а не утверждалась публично.

Многие интеллектуалы выступали с жесткой критикой «интеллигенции», хотя в других ситуациях они выступали ее защитниками. Так, в 1873 году Н.В. Шелгунов писал о «бесхарактерности», «апатии» и «унынии» интеллигенции: «... у нашей интеллигенции нет характера, пока она — интеллигенция, и является характер, когда она перестает быть интеллигенцией»⁴⁹. Однако затем тот же автор противопоставляет «гонению» на интеллигенцию, признавая, что «интеллигенция ... как бы даже застыдилась, что она интеллигенция»⁵⁰.

По-видимому, само самосознание «интеллигентов» содержало подчас зародыш антиинтеллигентских настроений. Так, многим «интеллигентам» был присущ комплекс вины перед «народом». Иногда требования покаяния перед «народом», призыв к «выполнению долга» выглядел как самобичевание. Известный историк В.И. Семеvский писал в 1881 году: «Наша современная интеллигенция вскормлена грудью крепостных мамок, выращена на доходы,

получавшиеся при помощи крепостного труда, а теперь воспитывает своих детей на выкупные за земли, облитые потом и кровью крепостных, и в общественных заведениях, содержимых преимущественно на народные деньги»⁵¹. Можно предположить, что крайние формы призывов к покаянию могли породить пренебрежение к интеллигенции.

Наконец, нередко вся современная интеллигенция осуждалась за «измену идеалам», подобные настроения были присущи порой интеллигентной молодежи, критика «интеллигенции» оформляла конфликт поколений⁵². Сходные мотивы были присущи и т. н. «народной интеллигенции» — так именовали себя многие народные учителя, писатели «из народа». Они постоянно критиковали «буржуазную интеллигенцию», «дипломированную интеллигенцию», «интеллигентов-мещан», «привилегированную интеллигенцию», «лжеинтеллигенцию», «интеллигентов-банкротов духа». По их мнению «старшая сестра» предала заветы «истинных интеллигентов»⁵³.

Термин «интеллигенция» стал модным, он пришел в западные языки в русифицированной форме и наряду с некоторыми другими словами, характеризующими колорит русской жизни, не требует, казалось бы, перевода: «Прежде англичане из русских слов знали только *zakouski* и *rogrom*, теперь знают еще *intelligentsia*. Все равно, как у нас все знают: если англичанин, значит контора и футбол», — говорил персонаж романа М. Алданова⁵⁴. Однако распространение популярности термина «интеллигенция» сопровождалось появлением антиинтеллигентских настроений и антиинтеллигентских идеологий. Само по себе это свидетельствует о популярности и значении идентификации «интеллигента».

Часто соответствующие выступления в печати провоцировали полемику, влиявшую на формирование самосознания интеллигенции. Так, например, антиинтеллигентские публикации в «Новом времени» осенью 1881 г. были восприняты как вызов — интеллигенции была «брошена перчатка». В ответ на это появилось несколько статей Н. К. Михайловского, повлиявших на интеллигентскую традицию⁵⁵. Полемисты использовали подчас одни и те же идеологемы — и для многих носителей идентификации, и для критиков интеллигенции очень важно было противопоставление «интеллигенции» и «народа» (для марксистов «новым народом» стал «рабочий класс»). При этом критики «интеллигенции» почти всегда отождествляли себя с «народом». Покрову распространяли идентификацию «интеллигенции» не только П. Д. Боборыкин и Н. К. Михайловский, но и М. Н. Катков и А. С. Суворин — использование понятия и в негативном значении способствовало тиражированию термина.

Изобредались и специфические «дочерние» идентификации, в которых ориентации на различные компоненты интеллигентской традиции могли сочетаться с критикой интеллигенции («новая интеллигенция», «государственная интеллигенция», «истинно русская интеллигенция», «пролетарская интеллигенция», «рабочая интеллигенция», «народная интеллигенция»). В некоторых случаях на основе данных идентификаций формировались субкультуры, в которых ориентация на культуру интеллигенции причудливым образом сочеталась с интеллигентофобией.

Традиции критики интеллигенции необходимо учитывать, если мы хотим реконструировать восприятие известного сборника «Вехи» современниками.

В этом контексте призыв к преодолению «кризиса интеллигенции» не мог не восприниматься как цитирование хорошо уже известных антиинтеллигентских текстов⁵⁶.

¹ Новиков М.М. Традиции Московского университета // Двухсотлетие Московского университета: Празднование в Америке. Нью-Йорк, 1956. С. 26; *Kucharrzewski J.* The Origins of Modern Russia. New York, 1948. P. 88. Цит. по: *Nahirny V.C.* The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. New Brunswick; London, 1983. P. 3.

² Михайловский Н.К. Записки современника (1881 г., декабрь) // Сочинения. СПб., 1897. Т. 5. Стб. 540. В том же году «интеллигент» В.А.Гольцев писал о «неудачном» слове (Московский телеграф. 1881. 27 октября). Для восприятия Н.К.Михайловского как «властителя дум» показательны приветствия в связи с 40-летием литературной деятельности (1900 г.), посланные «Интеллигенцией города Чернигова», «Группой интеллигенто-евреев», «Интеллигенцией и учащейся молодежью города Харькова». ОР ИРЛИ. Ф. 181 (Н.К.Михайловский). Оп. 3. Д. 197, 185, 196.

³ Боборыкин П.Д. Перевал // Боборыкин П.Д. Собрание романов, повестей и рассказов. СПб., 1897. Т. 7. С. 257.

⁴ Под таким углом интеллигенция изучается и некоторыми современными исследователями. См.: *Бабий А.И.* Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX — начале XX века. Кишинев, 1971. 106 с.

⁵ В соответствующей статье в «Русской энциклопедии» отмечалось, что понятие употребляется главным образом «для обозначения категории лиц, добывающих средства существования продажей своей умственной (интеллектуальной) силы или продуктов ее». Русская энциклопедия. Т. 9. С. 34; См. также: Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 22. Стб. 60. В исторической литературе под «интеллигенцией» также понималась обычно социальная группа, включавшая представителей ряда профессий. См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981; *Булгакова Л.А.* Интеллигенция в России во второй четверти XIX века (Состав, правовое и материальное положение): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (Февраль—октябрь 1917 г.) Л., 1988. См. также: *Малия М.* К пониманию русской революции. Лондон, 1985. С. 59, 61.

⁶ В одном из своих романов Боборыкин дал ироническую зарисовку быта «интеллигентных» москвичей 80-х годов. Они общаются с себе подобными, читают «хорошие» книжки, даже «штудируют» их, посещают лекции, ведут разговоры «с направлением» — рассуждают на общественные и моральные темы. Они заняты своим «развитием», которое часто проходит под руководством «развивателя» — более образованного человека и в то же время авторитетного носителя субкультуры. Даже уваживание ведется в соответствии с тактикой «интеллигентного сближения». *Боборыкин П.Д.* На ущербе // Собрание романов, повестей и рассказов П.Д.Боборыкина. СПб., 1897. Т. 5. С. 55, 117.

⁷ *Стойкин А.* Интеллигенты: Пьеса в 4-х действиях. СПб., 1911. С. 4, 51. В мемуарах, написанных уже в эмиграции, к «интеллигенции» относили себя подчас и бывший член правления акционерного общества, и жена банковского служащего, и даже жандармский генерал. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 84, 159; *Poretschkin E.* Meine Erinnerungen aus den Jahren 1917—1922 (Машинопись, личный архив П.Поречкина, Ремгаден); *Фенин А.И.* Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883—1906 гг.). Прага, 1938. С. 7, 8.

⁸ Именно так интеллигенция трактуется во многих западных исследованиях. *Malia M.* What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia / Ed. R.Pipes. New York; London, 1961. P. 2—4. *Pipes R.* The Russian Revolution. N.Y., 1991. P. 122—123, 139; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 328; *Везаңон А.* The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981. P. 94—112. И отечественные исследователи ныне трактуют «интеллигенцию» рубежа веков как идейное течение. См.: *Янин В.К.* О некоторых вопросах формирования российской интеллигенции // История российской интеллигенции (Материалы

и тезисы научной конференции). М., 1995. Ч. 1. С. 3. Подчас же история интеллигенции сводится к истории революционного движения. *Tompkins S.R. The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State.* Norman, 1957. P. 271.

⁹ Редакционная статья // Свобода. 1888. № 1/2. С. 2; *Княжнин С.* Очерки русской жизни // Там же. № 3. С. 4; *Кромвель. Noblesse oblige* // Там же. № 4. С. 4; *Княжнин С.* Итоги прошлого // Там же. № 5. С. 2; *Турский М.* Сила царизма // Там же. № 11/12. С. 3.

¹⁰ Приоритет Боборыкина оспаривался и оспаривается. См., например: *Шмидт С.О.* Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии. СПб., 1996. С. 45—56. Однако существенно, что в начале XX века он многими признавался. См.: *А.Дж.* Интеллигенция // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 22. Стб. 59—60. См. также: *Кемпинский Э.В.* К происхождению понятия «интеллигенция» (Петр Дмитриевич Боборыкин) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тезисы докладов. Иваново, 1995. Т. 2. С. 520—521.

¹¹ *Боборыкин П.Д.* Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 82, 83—84, 87 (паг. 2-я); Его же. Подгнившие «вехи» // В защиту интеллигенции. М., 1909. С. 134—135.

¹² *Степун Ф.А.* Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. М., 1993. С. 286—302; *Франк С.Л.* Крушение кумиров // Соч. М., 1990. С. 116; *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922. С. 164. Ст. Иванович писал о распространенном подходе (он отрицал его с марксистских позиций): «До сих пор «идея» интеллигенции неразрывно была связана с идеей русского освобождения. ...Покуда жив старый режим, жива и старая интеллигенция, покуда не умрет идея освобождения, до тех пор не умрет и идея интеллигенции». *Иванович Ст.* Судьбы русской интеллигенции // Наша заря. 1910. № 5/6. С. 53.

¹³ Биограф князя Г.Е. Львова так описывал состояние главы первого Временного правительства: «Он попал в водоворот политической борьбы интеллигентского партийного доктринерства...» *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. См. также: *Абрамович Н.Я.* Подполье русского интеллигентства (О тупиках русского интеллигентского сознания). М., 1917. 43 с. Ср. также резко отрицательное отношение к «интеллигентщине» — «судьбе и проклятию... родины»: *Булгаков С.* Автобиографические заметки. 2-е изд. Paris, 1991. С. 27.

¹⁴ Ф.А. Степун писал: «У ордена русской интеллигенции не было определенного религиозного взгляда, но он каждое мировоззрение превращал в религию. Никто не давал никаких обетов, но каждый, присоединившийся к ордену, знал, что это на всю жизнь». Цит. по: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С. 19. Трактовка «интеллигенции» как общественно-политического понятия влияла на восприятие термина. Не все «интеллигенты» активно участвовали в общественной жизни, однако именно такое поведение признается наиболее адекватным идентификации — «пассивные» интеллигенты ощущали подчас свою второсортность, активисты именовались «передовой частью интеллигенции», «передовой интеллигентией». *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк. 1952. С. 237.

¹⁵ *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 5.

¹⁶ *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 49. По-видимому, определение своего отношения к «интеллигенции» представляло для автора немалую трудность: «Я знал многих очень симпатичных интеллигентов, но внутренне интеллигенция всегда оставалась мне ... чуждой (как, очевидно, и я — ей!)». Там же. С. 54.

¹⁷ Московские ведомости. 1878. 28 апреля. Статья появилась вскоре после избития студентов-демонстрантов охотнорядцами. Об антиинтеллигентской позиции М.Н. Каткова см.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 183; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 176—178, 185, 201, 230.

¹⁸ Из письма П.Д. Голохвастова, 10 декабря 1879 г. К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1, полутом 1. С. 17. См. также С. 196, 227, 282.

- ¹⁹ *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 45, 77, 119—120, 136, 289, 628; Письма Победоносцева Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 398.
- ²⁰ *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 178.
- ²¹ *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 25, 39—41.
- ²² *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 296—297; Бодиско Дм. Дворянский вопрос — вопрос государственный // Гражданин. 1897. № 39 (22 мая). С. 3.
- ²³ *Меньшиков М.О.* Критические очерки. СПб., 1902. Т. II. С. 40, 42—44.
- ²⁴ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 141.
- ²⁵ *Назаревский Б.* Бюрократия и интеллигенция. М., 1906. С. 6—7.
- ²⁶ Об антиинтеллигентских погромах см.: Ерман Л.К. Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966. С. 172—174, 197—198, 227; *Seregny S.J.* Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905. Bloomington; Indianapolis, 1989. P. 150, 176—178. Память об этих погромах была столь сильной, что первой реакцией многих провинциальных интеллигентов, узнавших о Февральской революции 1917 г., было бегство в крупные города. См.: Черносотенная агитация // Единство. 1917. 27 апреля.
- ²⁷ *Никольский Б.В.* Из дневника 1905 года // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. / Сост. Б.В.Ананьич, Р.Ш.Ганелин. СПб., 1994. С. 74.
- ²⁸ *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия... С. 264.
- ²⁹ «Государственной интеллигенции предстоит во всяком случае трудная задача — привлечь на свою сторону и соединить с собою твердо-народное верование». *Победоносцев К.П.* Церковь и государство // Московский сборник. М., 1896. С. 4; *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени... С. 46, 208.
- ³⁰ Вестник союза русских людей. 1906. № 1. С. 10.
- ³¹ *Каблиц И.И.* (Юзов И.) Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 55—56, 82, 93, 128; Его же. Основы народничества. СПб., 1893. Ч. II. С. 68, 74, 75, 91, 92, 204 и др. Подробнее см.: *Харламов В.И.* Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70—80-х годов XIX века // Вестн. Московского университета. Сер. 8: История. 1980. № 4. С. 39—53; *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995. С. 43—44, 46, 53, 65.
- ³² *Павлова Н.Г., Главацкий М.Е.* К вопросу о «народничестве» традициях в марксистской концепции интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: Поиск новых подходов. Иваново, 1995. С. 45—51.
- ³³ *Клейнборг Л.М.* Очерк общественно-литературных направлений, 1880—1935 // ОР ИРЛИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 450. Л. 76. Антиинтеллигентские взгляды были присущи и многим польским социал-демократам. Так, Р.Люксембург относила интеллигенцию к «антидемократическим» силам, хотя и допускала с ней сотрудничество. Устюгова А.Г. Отношение рабочих партий Королевства Польского к интеллигенции накануне и в ходе революции 1905—1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 10.
- ³⁴ *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 51—52.
- ³⁵ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 125.
- ³⁶ См., напр.: *Шебунин А.Н.* Куда же мы идем? Мысли и заметки / Публ. Т.В.Андреевой // Деятели русской науки XIX—XX веков: Исторические очерки. Вып. III. СПб., 1996. С. 53—57.
- ³⁷ См.: *Мартов Л.* Общественные движения и умственные течения в период 1884—1905 годов // История русской литературы XIX в. / Изд. Д.Н.Овсяннико-Куликовского. М., 1911. Т. V. С. 41.
- ³⁸ См.: *Nahirny V.C.* The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence... P. 12. Показательно, что почти одновременно было выпущено несколько переводов брошюры К.Каутского «Интеллигенция и социал-демократия» (СПб., 1906. Одесса, 1908).
- ³⁹ См.: *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л., 1991. С. 120—121; *Иков В.К.* Листопад // Вопр. истории. 1995. № 10. С. 130—131. Об отношениях рабочих и «интеллигентов» в большевистском Петербургском комитете см.: *Smith S.A.* Workers, Intelligentsia and Marxist Parties, St. Petersburg, 1895—1917 and Shanghai, 1921—1927 // International Review of Social History. 1996. № 41. P. 18—27.

⁴⁰ Аксельрод П.Б. Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим. Женева, 1889. С. 2—4, 6—9, 13—15.

⁴¹ Об-этом см.: *Колоницкий Б.И.* «Рабочая интеллигенция» в трудах Л.М.Клейнборта // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 123—124, 135. «Мода на интеллигенцию» распространилась во время Первой российской революции—работницы подчас одевались «под курсисток» (блузка, кожаный пояс, часики, или по крайней мере цепочка от часов), а рабочие надели кепки и соломенные шляпы вместо картузов. Популярностью пользовались и студенческие фуражки. *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 340—341.

⁴² *Булкин Ф.* Рабочая самодеятельность и рабочая демагогия // Наша заря. 1914. № 3. С. 55—64; Л.М. [Ю.О.Мартов] Ответ Булкину // Там же. С. 64; *Антонов К.* Интеллигенция в русском рабочем движении // Там же. № 5. С. 73—76. Письмо Ф.И.Дана П.Б.Аксельроду 14 (27) апреля 1914 г. // Федор Ильич Дан: Письма (1899—1946). Амстердам, 1985. С. 309.

⁴³ Показательно, что Булкин сочувственно цитирует Аксельрода и посвящает «дорогому учителю» свою книгу. *Булкин (Семенов) Ф.* Рабочий класс и рабочая партия. Ч. 1: Социал-демократия и рабочее движение в русской революции (Критические очерки). СПб., 1914. Ярлык «интеллигентского» течения постоянно использовался меньшевиками в их критике большевизма. И.Г.Церетели, например, писал о «бонапартистских диктаторских тенденциях выходцев из радикальной интеллигенции». *Церетели И.Г.* П.Б.Аксельрод // Архив Амстердамского Института социальной истории. Л.10, 11.

⁴⁴ *Вольский А.* Умственный рабочий. New York; Baltimore, 1968. С. 142—143, 147. Махайский критиковал марксизм, но при этом сам находился в поле влияния марксистской традиции. Немногочисленные кружки его последователей в начале века действовали в Одессе, Екатеринославе, Вильно и Белостоке. Во время Первой российской революции группы махаевцев возникли в Петербурге и Варшаве. *Parry A.* Jan Waclaw Machajski: His Life and Work // Там же. С. 13—16.

⁴⁵ *Фюллер.* Интеллигенты и простачки (Не сказка, а быль). Киев, 1901. Ч. II. С. 8, 11, 14.

⁴⁶ *Боборыкин П.Д.* Русская интеллигенция... С. 84, 86, 87.

⁴⁷ *Толстой Л.Н.* [О «Вехах»] // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992 (репринтное воспроизведение издания 1928—1958 гг.). С. 289.

⁴⁸ *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 18. С. 89.

⁴⁹ *Шелгунов Н.В.* Бесхарактерность нашей интеллигенции // Дело. 1873. № 11. Современное обозрение. С. 34. Ранее Шелгунов писал о «скуке бездеятельности», пожирающей интеллигенцию. Его же. Неудавшаяся «Беседа» и задачи интеллигенции // Там же. 1871. № 5. Современное обозрение. С. 33.

⁵⁰ *Шелгунов Н.* Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 11. С. 162.

⁵¹ *Семевский В.И.* Не пора ли написать историю крестьян в России? // Русская мысль. 1881. Кн. 2 (февраль). С. 223.

⁵² Пример критики «среднего интеллигента» с позиций «студенчества» см.: *Иванов П.* Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы. М., 1918. 3-е изд. С. 282.

⁵³ Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* «Рабочая интеллигенция» в трудах Л.М.Клейнборта ... С. 125.

⁵⁴ *Алданов М.* Ключ. М., 1991. С. 52.

⁵⁵ См.: Новое время. 1881. 25 октября, 8, 21 ноября; *Михайловский Н.К.* Записки современника (1881 г., декабрь) // Сочинения. СПб., 1897. Т. 5. Стб. 531—550; *Н.Ш.* Очерки русской жизни // Русская мысль. 1890. № 2. С. 155, 169.

⁵⁶ См., напр.: *Иорданский Н.* Творцы нового шума // В защиту интеллигенции. М., 1909. С. 43—46.

